

8. Kasavin, I.T. (ed.) (2009) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+.
9. Veber, M. (1990) *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic Sociological Concepts]. Moscow: Progress.
10. Parsons, T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of Modern Societies]. Translated from English by L. Sedova. Moscow: Aspect-press.
11. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
12. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from German by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
13. Zhuravlev, A.L. (2000) Psikhologicheskie osobennosti kollektivnogo sub"ekta [Psychological Features of the Collective Subject]. In: Brushlinsky, A.V. & Volovikova, M.I. & Druzhinina, V.N. (eds.) *Problema sub"ekta v psikhologicheskoy nauke* [Subject Problem in Psychological Science]. Moscow: Akademicheskii Proekt. pp. 133–150.
14. Demin, M.V. (1977) *Problemy teorii lichnosti* [Problems of Personality Theory]. Moscow: Moscow University Publishing House.
15. Olson, M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory]. Moscow: FEI.
16. Salisbery, R. (1969) An Exchange Theory of Interest Groups. *Midwest Journal of Political Science*. 13. pp. 1–32.
17. Bourdeiu, P. (1993) Some properties of fields. In: *Sociology in Question*. London: Sage.
18. Bourdieu P. (1985) The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1985. pp. 241–258.
19. Nort, D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Functioning]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”.
20. Evstafiev, D.G. & Tsyganova L.A. (2021) Razryv vremeni, revansh prostranstva [Time Gap, Space Revenge]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Politics*. 19 (5). pp. 138–153.
21. Drozdova, A.V. & Myasnikova, L.A. (2015) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu povsednevnosti v sovremennom kul'turologicheskom znaniy [Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Everyday Life in Modern Cultural Knowledge]. *Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Issues of Education, Science and Culture*. 3(141). pp. 86–95.
22. Fedotova, N.G. (2017) Kul'turnye praktiki v kontekste formirovaniya simvolicheskogo kapitala mesta [Cultural Practices in the Context of Symbolic Capital Formation of Place]. *Observatoriya kul'tury – Culture Observatory*. 14(5). pp. 550–557.

УДК 316.322:159.923

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39

А.Ф. Поломошнов, А.В. Лыкова, Т.В. Лугуценко

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье предпринят анализ концептуальных подходов к проблеме социокультурной идентичности российской цивилизации в современном отечественном научном дискурсе. По способу решения этой проблемы установлено пять основных подходов:

моноредукционистский подход, модель диады, антиномично-дуальный подход, модель триады и полиэлементный подход. Дана характеристика эвристических возможностей и ограничений каждого из подходов на примере их отдельных представителей. Обосновано, что социокультурный код российской цивилизации включает в себя три интегральных инварианта: державность, духовность, соборность.

Ключевые слова: *российская цивилизация, социокультурная идентичность, державность, духовность, соборность, российский социокультурный код.*

Актуальность темы исследования. Российская цивилизация, исторически находясь в геополитическом и культурном медианном положении между цивилизациями Запада и Востока, вынуждена постоянно испытывать на прочность свою социокультурную самобытность и бороться за ее сохранение. Утрата российской цивилизационной и национальной идентичности означала бы исчезновение со сцены мировой истории самобытной российской цивилизации, русского народа и российского государства. В условиях современного острого противостояния России с Западом в контексте общей глобальной трансформации всего мирового порядка самосознание российским обществом собственной социокультурной идентичности становится одной из приоритетных задач. Только поняв кто мы, мы можем проложить спасительный путь в будущее. «Вопрос о цивилизационной самобытности России начинает превращаться в угрозу ее историческому существованию и праву на национально-государственное бытие» [12. С. 36].

Степень научной разработанности проблемы. Тема российской социокультурной идентичности при всей ее важности всегда была и сегодня является дискуссионной. Заветного консенсуса по этой теме в российском гуманитарном дискурсе никогда не было. Вспомним вечный спор «славянофилов» и «западников», меняющих свои исторические формы, но не меняющих сути как двух противостоящих концепций российской социокультурной идентичности. Нет такого консенсуса и сегодня.

Единственный пункт, по которому, очевидно, сходятся почти все оппоненты, – это признание факта самобытности российской цивилизации. «Россия – это огромный, целостный и уникальный мир со своим генетическим кодом истории... со своим типом локально-цивилизационного бытия и развития» [4. С. 523].

Впрочем, есть редкие мыслители, которые резко выступают против необходимости исследования социокультурной самобытности России. Например, В.А. Шнилерман заявляет, что «популярные идеологические рамки цивилизационного подхода, как “архетип”, “национальный характер”, “этнопсихология”, “культурная самобытность”, “национально-культурный код”, “экология культуры” и т.д., способствуют культурному расизму и ксенофобии» [20. С. 191]. Однако, такой подход к проблеме социокультурной идентичности России, на наш взгляд, как раз и является нигилистической ксенофобией по отношению к самой России.

В чем же сущность российской самобытности? Является ли наша социокультурная идентичность исторически неизменной или она качественно трансформируется в процессе радикальных исторических изменений и преобразований российского общества? Каким образом нам следует относиться к собственной самобытности? Следует ли ее сохранять или, напротив, нивелировать, подстраиваясь под стандарты глобализации или западной цивилизации? Если мы должны беречь нашу идентичность, то как это лучше всего можно сделать? Обо всем этом в отечественном гуманитарном сообществе идут бесконечные дискуссии.

Цель и задачи исследования. Целью нашего исследования является определение основных черт социокультурной идентичности российской цивилизации. Поскольку в современном дискурсе существует большое разнообразие интерпретаций российской социокультурной идентичности, постольку необходимо предпринять их критический анализ. Этот анализ позволит определить наиболее эффективную концептуальную модель для характеристики социокультурной идентичности российской цивилизации.

Аналитическая часть исследования. В отечественном научном дискурсе сложились два основных направления анализа российской социокультурной, цивилизационной идентичности. Представители первого направления характеризуют российскую идентичность в форме общественного и индивидуального сознания, как на идеологическом, так и на массово-психологическом уровнях, и исследуют формы самосознания российской идентичности или ментальные формы российской идентичности. Идентичность в рамках этого направления рассматривается как «комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией (Российской Федерацией) и ее гражданами» [16. С. 156]. Эта форма идентичности рассматривается как исторически изменчивая и плюралистичная. Она, по замечанию В.Ф. Левичевой и С.Л. Диманса, «никогда не является априорным феноменом, она всегда – лишь проблемный конструкт» [6. С. 77]. Причем конструируемая государством и формирующаяся стихийно идентичность россиян не всегда согласованы друг с другом. «Конструируемая идентичность и неформальные практики идентификации нередко находятся в состоянии конфликта» [6. С. 81].

В рамках анализа ментальной идентичности исследователями отмечаются ее разнонаправленные трансформации в результате радикальных либеральных реформ на рубеже тысячелетий. В.В. Титов отмечает ретроспективную направленность на прошлое символического пространства современной российской национально-государственной идентичности. «Граждане России вынуждены постоянно обращаться к такому практически безальтернативному источнику общественно-политической консолидации, как система представлений о прошлом» [13. С. 60].

К.Г. Холодковский выделяет три формы ментальной идентичности современных россиян: 1) «квази-традиционалистскую», ориентированную на ценности патернализма, государственности, социального равенства, но с отказом от общинной соборности; 2) модернистскую, ориентированную на ценности индивидуальной свободы; 3) фрагментированную, противоречивую идентичность [16. С. 160].

Л. Дробижева на основе социологических исследований приходит к выводу о том, что консолидирующая общероссийская идентичность «существует и как реальная социальная практика в сознании граждан России» [3. С. 19]. Основой этой идентичности являются язык, культура и историческое прошлое, а также представления об этнической, государственной и территориальной общности населения. Л. Дробижева также отмечает особенность формирования российской идентичности «за счет сравнений “мы” и внешних “они” в негативном содержательном наполнении (Украина, США, Евросоюз)» [3. С. 20].

Представители второго направления исследуют субстанциональные основы российской цивилизационной идентичности, которые как раз и получают неоднозначное отражение на ее ментальном уровне. Субстанциональная идентичность проявляется в особенностях «организации российской общественной и государственной жизни; в существе и структуре власти, методах ее реализации; в особенностях национальной психологии и мировоззрения; в организации труда и быта населения; в традициях, культуре многочисленных народов России и пр.» [17. С. 273–274].

Поскольку именно субстанциональная идентичность является определяющей, базовой формой российской цивилизационной идентичности, рассмотрим альтернативные модели российской социокультурной идентичности. Можно выделить пять основных типов таких моделей: моноредукционистская модель, диада, дуально-антиномичная модель, триада и полиэлементная модель.

Моноредукционистская модель основана на выделении одной, фундаментальной черты российской социокультурной самобытности с последующим выведением из нее целого набора других черт. Модель диады отличается от моноредукционистской модели только тем, что в качестве первичных, базисных основ российской социокультурной идентичности берется не одна, а две, обычно взаимосвязанные друг с другом черты. Дуально-антиномичная модель рассматривает социокультурную идентичность на основе бинарных оппозиций,

как амбивалентное сочетание противоречивых черт. Модель триады, в отличие от первых двух моделей, ориентирована не на редукцию всех черт самобытности российской цивилизации к одной или двум базисным чертам, а на установление российского цивилизационного комплекса в форме устойчивых в историческом времени, интегральных, базисных инвариантов, характеризующих его уникальность. Полиэлементная модель характеризуется попыткой дать всестороннее описание черт самобытности российской цивилизации по всем подсистемам общества и культуры.

Для того, чтобы определить, какая же из моделей наиболее уместна для характеристики социокультурной идентичности российской цивилизации, рассмотрим некоторые примеры этих моделей. Начнем с наиболее простой моноредукционистской модели. В. Никонов, пытаясь определить фундаментальную основу российской социокультурной идентичности, использует термин «российская матрица», в основе которой «лежит цивилизационный, культурный генетический код» [8. С. 10]. В качестве такой матрицы у него выступает сословно (профессионально и национально) территориально представительная автократия с сильным самоуправлением и чувством индивидуальной свободы человека [8. С. 12]. Не замечая внутренней противоречивости выдвинутой как базис российской социокультурной идентичности автократии, сочетающейся с элементами самоуправления и свободы личности, В. Никонов выводит из нее остальные черты российской самобытности и, в первую очередь, специфику российского православия, которое и традиционно подчинялось светской власти служило государству [8. С. 17]. Моноредукционистская модель является малоэффективной потому, что осуществить редукцию всех особенностей цивилизации к одному определяющему фактору невозможно. Социокультурная самобытность цивилизации определяется комплексом разноплановых факторов, социальных, географических, культурных, духовных и сама образует целостный комплекс черт самобытности.

Модель диады использует В.А. Туев. Он описывает российскую социокультурную идентичность на основе двух критериев: характера и формы социального жизнеустройства и народного менталитета. Содержательно он определяет самобытность российской цивилизации сочетанием двух взаимосвязанных черт – коллективности форм социальной организации и коллективизмом как ценностной установкой индивидуального и общественного сознания [14. С. 149]. При этом В.А. Туев подчеркивает, что российский коллективизм не поглощает личность, подобно «коллективизму» восточных цивилизаций. «Этот тип коллективности препятствует распространению психологии и идеологии индивидуализма» [14. С. 149–150]. Из коллективизма, как принципа социальной организации и ориентации индивидуального и общественного сознания, В.А. Туев уверенно выводит такие черты российской социокультурной идентичности, как культурные императивы социального равенства и справедливости, трудовую доминанту народной культуры [14. С. 150]. Близка к позиции В.А. Туева концепция Е.В. Свиридкиной, которая также предлагает модель диады, включающую в себя православную этику и дух солидарности [12. С. 40].

На более убедительной концептуальной основе модель диады разрабатывают Г.А. Чупина и В.И. Шерпаев. В соответствии с общей логикой модели диады, они используют два критерия для характеристики социокультурной идентичности российской цивилизации: российский генотип и социокультурный код России [18. С. 9]. Специфический российский генотип Г.А. Чупина и В.И. Шерпаев связывают с крестьянской общиной, а российский социокультурный код – с православием и его духовными ценностями коллективного спасения, веротерпимости, общечеловеческого братства, сострадания к слабым и т.п. [18. С. 16].

Модель диады существенно не отличается от моноредукционистской модели, поскольку здесь используется тот же принцип редукционизма российской социокультурной идентичности только не к одному, а к двум базисным основаниям. Но при этом возникает проблема интерпретации взаимодействия между этими основаниями. Во всяком случае, эта модель является также очевидным упрощением реальной комплексной структуры российской социокультурной идентичности.

В период радикальных российских реформ на рубеже тысячелетий в отечественном научном дискурсе актуализировалась антиномично-дуальная модель российской социокультурной идентичности. Одной из первых разновидностей этой модели стала концепция А.С. Ахиезера, который рассматривал российскую цивилизацию как противоречивое сочетание черт традиционной и либеральной суперцивилизаций. «Россия как бы “застряла” между традиционной и либеральной суперцивилизациями, что позволяет говорить о России как об особом типе промежуточной (то есть расколотовой) цивилизации» [1. С. 249]

В основе традиционной цивилизации лежит вечевой нравственный идеал со специфическим набором ценностей: патриархальная семья, культурная ориентация на господство целостности над личностью, инверсионная логика и монологичность в социальных отношениях, синкретизм; ориентация не на новшества, а на воспроизводство традиционных социокультурных отношений и социальных систем [1. С. 99]. В основе либеральной суперцивилизации лежит либеральный нравственный идеал, включающий в себя набор следующих ценностей: рефлексии, эффективности, комфорта, личности, инициативы, новшеств, диалога, творчества [1. С. 248]. Амбивалентность, соединение противоречивых черт, по мнению А.С. Ахиезера, пронизывает все социальные и культурные подсистемы российской цивилизации и ведет к ее внутреннему расколу, формирует внутренний потенциал дезорганизации и разрушения [1. С. 249].

И.Г. Яковенко продолжил развитие антиномично-дуальной модели российской социокультурной идентичности, утверждая, что российская цивилизация не образует интегрированной цельности своих элементов [21. С. 7]. Он рассматривает российскую социокультурную идентичность как результат противоречивого сочетания двух имперских традиций: языческой, ордынской и христианской, византийской. Поэтому в российской цивилизации противоречиво сочетаются, но не образуют органического единства или нового интегрального «евразийского» качества черты западной европейской и восточных цивилизаций [21. С. 8].

Г.А. Чупина и В.И. Шерпаев вполне убедительно критикуют И.Г. Яковенко за то, что он пытается определить социокультурное ядро-код российской цивилизации путем акцентуации только отрицательных черт российской цивилизации [18. С. 7]. Следует согласиться также с общей критикой антиномично-дуальной модели социокультурной идентичности российской цивилизации. «При желании таким способом можно “построить” (дискредитировать?) историю и культуру любой страны» [18. С. 7–8].

Одну из наиболее детально проработанных версий дуальной модели российской цивилизационной идентичности представил И.В. Кондаков. Кроме общего принципа сочетания двух противоположных начал российской идентичности, И.В. Кондаков применил принцип историзма, рассматривая российскую цивилизационную идентичность в ее исторической динамике на основе общей концепции структуры и динамики дуальной идентичности. В российской идентичности И.В. Кондаков различает две стороны: 1) цивилизационную идентичность, состоящую в православии, и 2) геополитическую идентичность, определяющуюся пограничностью между цивилизациями Востока и Запада. «Таким образом, Россия обладает имманентной “дуальной идентичностью”, обе ипостаси которой константны и вызывают к органичному согласованию» [17. С. 281].

В основе стабильности пограничной и, вследствие этого, внутренне противоречивой, амбивалентной российской цивилизационной идентичности лежит, по мнению И.В. Кондакова, социокультурный механизм «взаимоупора» – «силового баланса сдержек и противовесов во взаимодействии разнонаправленных тенденций культурно-исторического и цивилизационного развития... Именно механизм “взаимоупора” на протяжении многих веков предохранял российскую цивилизацию от окончательного ее раскола и самораспада, к чему она всегда была склонна» [5. С. 293]. В основе исторической динамики российской цивилизационной идентичности лежат периодические нарушения этого «взаимоупора», ведущие к кризисам идентичности и смутам. Эти кризисы могли быть спровоцированы либо покушениями на менталитет цивилизации извне со стороны других цивилизаций, либо внутренними конфлик-

тами и расколами [5. С. 288–289]. И.В. Кондаков отмечает, что решающую роль в преодолении этих периодических кризисов идентичности играет формирование общероссийской консолидирующей идеологии. «На рубеже XX–XXI вв. Россия вернулась к тем этапам в своей истории, когда объединяющим фактором стала идеология» [17. С. 12–122].

Предложенная И.В. Кондаковым динамическая дуальная модель российской цивилизационной идентичности открывает перспективное направление ее концептуально-исторической верификации и дальнейшего развития, что не исключает конструктивной критики данной модели. Главное направление этой потенциальной критики, на наш взгляд, может быть связано с сомнительной эффективностью конструирования устойчивой российской цивилизационной идентичности на основе принципа антиномичного сочетания в ней противоположных начал.

Весьма распространена в отечественном дискурсе модель триады, идущая еще из XIX века от С.С. Уварова, автора теории официальной народности. Согласно этой теории, социокультурная идентичность России основывается на трех принципах, или началах: православной религии, самодержавной власти и народности. «Начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, – имеем мы три главных: 1) православная вера, 2) самодержавие, 3) народность» [15. С. 71] С.С. Уваров не смог четко сформулировать понятие народности, но по контексту его рассуждений народность означает верность русского народа православию и самодержавию, единство народа, власти и православной веры. «Дабы трон и церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее» [15. С. 72].

Модель триады стала популярной, но интерпретации ее весьма разнообразны. Одной из продуктивных версий этой модели является концепция российской социокультурной идентичности, предложенная Л.В. Мельниковой. Триада, предлагаемая Л.В. Мельниковой, включает в себя три инварианта, вневременных структуры российской социокультурной идентичности: «духовность (на некоторых исторических этапах проявляется в форме православия), самодержавие, соборность (целостность народной, общественной и государственной жизни)» [7. С. 63]. По мнению Л.В. Мельниковой, эти инварианты, составляющие комплекс российской социокультурной идентичности, сформировались еще в Киевской Руси и сохраняются на всех этапах российской истории. «Они обладают относительной устойчивостью, но являются динамичными, то есть на различных исторических этапах меняется их содержание, отношения друг с другом, приоритеты» [7. С. 63–64].

На наш взгляд, наиболее продуктивным моментом данной версии триады российской социокультурной идентичности является стремление выделить вневременные, интегральные параметры российской цивилизационной социокультурной идентичности. Хотя содержательная интерпретация и сам список этих параметров, безусловно, требует дальнейшего развития и конкретизации.

Полиэлементные модели социокультурной идентичности российской цивилизации имеют общую черту в том, что пытаются описать развернутый комплекс ее параметров, но при этом различаются между собой по концептуально-методологической основе. Основоположником этого типа моделей, безусловно, является Н.Я. Данилевский, который опирается в описании социокультурной идентичности России на понятие «культурно-исторический тип». Самобытность каждого конкретного культурно-исторического типа Н.Я. Данилевский определяет на основе четырех критериев – «разрядов культурной деятельности»: 1) религиозной, 2) культурной в узком значении (научной, художественно-эстетической, промышленно-технической), 3) политической, 4) общественно-экономической (отношения между социальными группами) [2. С. 507–508]. Каждая цивилизация как культурно-исторический тип отличается от других спецификой и приоритетным развитием каких-либо из этих четырех разрядов культурной деятельности. Специфика российского культурно-исторического типа, по Н.Я. Данилевскому, состоит в том, что он является исторически молодым, еще не закончившим свое окончательное становление. Но он имеет все возможности для того, чтобы

представить впервые в истории «четырехосновный» культурно-исторический тип, в котором все четыре разряда культурной деятельности получают наивысшее развитие. «Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым четырехосновным культурно-историческим типом» [2. С. 545].

Однако, Н.Я. Данилевский, наряду с разрядами культурной деятельности, реализует при характеристике самобытности российской цивилизации другой, дополнительный набор критериев: 1) психический строй народа, 2) форму исповедания, 3) условия и ход исторического развития народа [2. С. 189–190]. Психический строй народа выражается в коллективизме, приоритете нравственных, духовных мотивов поведения, терпимости. Специфика православия как формы вероисповедания выражается в высшем духовном авторитете церкви, подчиняющейся светской власти, в коллективном руководстве церковью в форме духовных соборов. Специфика хода и условий исторического воспитания проявляется в установлении самодержавия, опирающегося на народное доверие [11. С. 118]. Естественно, что эффективно и полностью реализовать общий замысел, дать комплексное описание самобытности российской цивилизации Н.Я. Данилевскому не удалось. Но сам замысел оказался, безусловно, плодотворным.

Примером современного комплексного подхода к реализации полиэлементной модели социокультурной идентичности российской цивилизации является концепция О.А. Платонова. Развивая подход Н.Я. Данилевского, О.А. Платонов рассматривает цивилизацию как самобытный культурно-исторический тип, в основе которого лежат качественные начала духовной природы народа [10. С. 6]. В ядро духовных ценностей, определяющих самобытность российской цивилизации, О.А. Платонов включает четыре параметра: первый – это добролюбие – православие – русская правда; второй – нестяжательство как преобладание моральных приоритетов в жизни над материальными; третий – гармоничное государственное устройство на основе сочетания широкого местного самоуправления с сильной народной монархией; четвертый – особый экономический механизм — экономика как домостроительство [9]. Из этих четырех параметров О.А. Платонов выводит комплексный портрет самобытности российской цивилизации, включающий в себя детально расписанную систему духовных представлений русской цивилизации, специфическую организацию исторического пространства и времени, семейные и межполовые отношения, характер труда и отношение к труду, специфику организации народного хозяйства, специфику российской науки и искусства, народные традиции [10].

Комплексную характеристику российской социокультурной идентичности дает также В.Ф. Шаповалов, опираясь на концепт цивилизационных инвариантов. Инварианты – это «устойчивые структуры длительного действия, лежащие в основе ментальности и чувствования определенного сообщества людей» [19. С. 28]. Очень важным моментом концепции В.Ф. Шаповалова являются идеи о многообразии, универсальности и исторической стабильности, устойчивости цивилизационных инвариантов, «поскольку по самой природе они суть то, что придает данной цивилизации внутреннее единство» [19. С. 30].

В.Ф. Шаповалов описывает следующий комплекс российских инвариантов, дифференцированных по сферам социальной жизни: политическая система России, труд и предпринимательство, наука и технологии, земля и сельское хозяйство, город и городская культура, межполовые отношения и российская семья, искусство, общественная мысль и массовая культура, религии в России, межнациональные отношения [19]. И в каждой из этих сфер он старается эксплицировать специфические российские цивилизационные инварианты ментальности и образа деятельности.

Оценивая в целом полиэлементную модель российской цивилизационной идентичности, можно отметить, что ее главная проблема состоит в том, чтобы за многосторонностью не утратить единства или цельности. Для этого нужно разграничивать в идентичности две части – устойчивое ядро и феноменальную оболочку или, другими словами, интегральные черты и содержательные характеристики социальной организации российской цивилизации.

Проанализировав основные виды концептуальных моделей российской социокультурной идентичности, попытаемся сформулировать наш собственный подход к этой проблеме. В качестве концептуально-методологической основы характеристики российской цивилизационной социокультурной идентичности мы используем понятие «социокультурный код цивилизации», на основе которого определим «российский социокультурный код».

Социокультурный код цивилизации – система устойчивых метаисторических интегральных характеристик, определяющих социокультурную самобытность цивилизации. В систему этих параметров входят: 1) способ политической организации общества, 2) способ социальной организации общества, 3) способ духовной организации общества. Способ политической организации цивилизации определяется как исторически инвариантные специфические формы организации власти, формы отношений между властью и народом и формы организации политического процесса. Способ социальной организации цивилизации определяется исторически инвариантными формами отношений между социальными группами, основаниями и способами социальной стратификации, спецификой организации социальной мобильности, спецификой отношения между личностью и социальными группами, спецификой межэтнических отношений. Способ духовной организации цивилизации определяется специфическим инвариантным набором и иерархией духовных ценностей, ориентаций и норм, а также основанных на них моделей поведения.

Таким образом, из всего многообразия моделей российской цивилизационной социокультурной идентичности наиболее релевантной нам представляется классическая модель триады. Триада российской цивилизационной идентичности может быть определена как единство державности, духовности и соборности.

Державность как интегральная характеристика идентичности российской цивилизации выражает ключевую роль сильного, централизованного государства в организации всех областей жизни русского общества, опору этого государства на нравственную народную оценку, приоритет интересов государства над частными и личными интересами, служение государства всему обществу, а не корыстными интересам отдельных социальных групп или властной элиты. Конечно, данное описание державности является теоретической идеализацией. Но именно такой идеал политической организации является структурообразующим инвариантом российской цивилизации.

Соборность – это такой способ взаимоотношений между основными социальными и этническими группами русского общества, который предполагает их объединение в общем деле сохранения, развития и защиты российской цивилизации, приоритет интересов коллектива над эгоистическими интересами индивидов, приоритет общероссийских интересов над корпоративными интересами отдельных социальных групп, гуманистические, равноправные межэтнические отношения, стремление к реализации на практике идеалов социальной справедливости, мира и гармонии в социальных отношениях. Конечно, и это описание является теоретической идеализацией, но это структурообразующий идеал российской цивилизации.

Духовность как интегральная характеристика российской духовной организации тесно связана с православной верой в высшие духовные ценности начала, с христианским и светским гуманизмом, с ориентацией общества и личности на духовные, нравственные ценности, а не прагматические утилитарные интересы и материальные ценности, с целым комплексом качеств русского национального характера, в котором доминируют доброта, отзывчивость, нравственная твердость, милосердие и т.п. Российская духовность общепризнана всеми исследователями. Не случайно, что именно она обязательно фигурирует как основа российской цивилизационной идентичности практически во всех версиях теоретических концепций.

Исходя из этих интегральных инвариантов российской цивилизационной социокультурной идентичности, на наш взгляд, возможна и необходима развернутая характеристика всех особенностей социальной организации российской цивилизации: от экономической,

политической, юридической сфер до науки, культуры, искусства, семейных отношений, межнациональных отношений и т.д.

Выводы. Подведем общие итоги нашего исследования. Нами установлено, что в современном отечественном научном дискурсе по проблеме социокультурной идентичности российской цивилизации существует пять основных подходов: моноредукционистский, модель диады, интегральная модель триады, антиномично-дуальный подход и полиэлементный подход. Каждый из этих подходов имеет свой специфический эвристический потенциал и свои специфические ограничения.

На наш взгляд, модель триады, опирающаяся на понятие социокультурного кода цивилизации как системы интегральных цивилизационных инвариантов, обладает наибольшим эвристическим потенциалом при реконструкции российской цивилизационной идентичности в исторической перспективе ее развития. Но эта модель может быть дополнена полиэлементным подходом, с помощью которого может быть развернута полная картина самобытности российской цивилизации во всех сферах общественной жизни и общественного сознания.

Комплекс российской социокультурной идентичности образуют три инварианта социальной, политической и духовной организации общества: державность, духовность, соборность. Феноменальные, исторические формы их проявления меняются в ходе истории России, но сами инварианты остаются основой не только самобытности российской цивилизации, но и основой ее исторического бытия.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=686133> (дата обращения: 21.03.2024).
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Изд-во «Известия», 2003. 607 с.
3. Дробижина Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. 2018. №3(15). С. 6–21.
4. Козин Н.Г. Россия. Что это?: В поисках идентификационных сущностей. М.: Академический проект, 2012. 527 с.
5. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 282–304.
6. Левичева В.Ф., Диманс С.Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой / чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83.
7. Мельникова Л.В. Трансформации российской культурной идентичности: дис... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2012. 177 с.
8. Никонов В.А. Российская матрица // Современная Европа. 2015. № 2(62). С. 9–19.
9. Платонов О.А. Русская цивилизация: понятие, возраст, духовные параметры // Русская цивилизация и церковность: сб. статей. М.: Институт мировой литературы РАН, 1994. С. 54–62.
10. Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
11. Поломошнов А.Ф. Россия в культурно-историческом пространстве (Н. Данилевский и В. Соловьёв). Ростов н/Д.: ИРУ, 2007. 288 с.
12. Свиридкина Е.В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 35–41.
13. Титов В.В. Символическое пространство российской идентичности: ретроспективное измерение // АНИ: экономика и управление. 2020. № 3(32). С.58–60.
14. Туев В.А. Истоки российской цивилизации // Человек. Социум. Развитие: сб. научн. трудов. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2014. С. 147–152.

15. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения. 1833 г. // Река времен: книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, тов-во «Река времен», 1995. С. 70–72.

16. Холодковский К.Г. Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С.156–160.

17. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.

18. Чупина Г.А., Шерпаев В.И. Цивилизационная идентичность России: проблема культурно-генетического кода // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 4. С. 5–18.

19. Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 624 с.

20. Шнирельман В.А. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Сова, 2006. С. 190–193.

21. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Изд-во «Знание», 2017. 642 с.

The Problem of Socio-Cultural Identity of the Russian Civilization

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 2 (93), 28–39.

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39

Andrey F. Polomoshnov, Don State Agrarian University (Persianovsky, Russian Federation).
E-mail: pafl@mail.ru

Anna V. Lykova, Don State Agrarian University (Persianovsky, Russian Federation). E-mail:
anna-lykova@yandex.ru

Tatyana V. Lugutsenko, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Russian Federation).
E-mail: telfira@yandex.ru

Keywords: Russian civilization, sociocultural identity, sovereignty, spirituality, conciliarity, Russian sociocultural code.

The article analyzes conceptual approaches to the problem of sociocultural identity of Russian civilization in modern domestic discourse. According to the method of solving this problem, five main approaches have been established: monoreductionist approach, dyad model, antinomic-dual approach, triad model, multi-element approach. The heuristic capabilities and limitations of each approach are characterized using the example of their individual representatives. The concept of “sociocultural code of civilization” is used as a conceptual and methodological basis for characterizing Russian civilizational sociocultural identity. The sociocultural code of civilization considers a system of stable metahistorical integral characteristics that determine the sociocultural identity of civilization. It includes three main invariant parameters: 1) the method of political organization of society, 2) the method of social organization of society, 3) the method of spiritual organization of society. As a result, based on the author’s interpretation of the triad model, a characteristic of the sociocultural identity of Russia is formulated as a sociocultural code of Russian civilization, which includes three integral invariants: sovereignty, spirituality, conciliarity. The content of these invariants is revealed. The necessity of supplementing the triad model with a multi-element approach is substantiated, with the help of which a complete picture of the identity of Russian civilization in all spheres of public life and public consciousness can be developed. The historicity of the Russian sociocultural code is noted, combining the stability of invariants and the variability of the phenomenal historical manifestations of these invariants.

References

1. Akhiezer, A.S. (2022) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. Teoriya i metodologiya* [Russia: criticism of historical experience. Vol. 2. Theory and methodology]. [Online] Available from <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=686133> (Accessed: 21.03.2024).
2. Danilevsky, N.Ya. (2003) *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romanic one]. Moscow: Izvestia.
3. Drobizheva, L.M. (2018) Konsolidiruyushchaya identichnost' v obshcherossiyskom, regional'nom i etnicheskom izmereniyakh [Consolidating identity in the all-Russian, regional and ethnic dimensions]. *Perspektivy – Prospects*. 3 (15). pp.6–21.
4. Kozin, N.G. (2012) *Rossiya. Chto eto?: V poiskakh identifikatsionnykh sushchnostey* [Russia. What is it?: In Search of Identity Entities]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
5. Kondakov, I.V. (2010) *Tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii: sushchnost', struktura i mekhanizmy* [Civilizational identity of Russia: essence, structure and mechanisms]. *Voprosy sotsial'noy teorii – Issues in social theory*. IV. pp.282–304.
6. Levicheva, V.F. & Dimans, S.L. (2023) *Sotsial'naya identichnost' kak rezul'tat neformal'nykh vzaimodeystviy “svoiy / chuzhoiy”* [Social identity as a result of informal “friend / foe” interactions]. *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie” – Bulletin of the Russian State University for the Humanities Series “Philosophy. Sociology. Art history”*. 2. pp.73–83.
7. Melnikova, L.V. (2012) *Transformatsii rossiyskoy kul'turnoy identichnosti* [Transformations of Russian cultural identity]. Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Nikonov, V.A. (2015) *Rossiyskaya matritsa* [Russian matrix]. *Sovremennaya Evropa – Modern Europe*. 2 (62). pp.9–19.
9. Platonov, O.A. (1994) *Russkaya tsivilizatsiya: ponyatie, vozrast, dukhovnye parametry* [Russian civilization: concept, age, spiritual parameters]. In: *Russkaya tsivilizatsiya i tserkovnost'* [Russian civilization and churchliness]. Collected papers. Moscow: Institute of World Literature RAS.
10. Platonov, O.A. (2010) *Russkaya tsivilizatsiya. Istoriya i ideologiya russkogo naroda* [Russian civilization. History and ideology of the Russian people]. Moscow: Algoritm.
11. Polomoshnov, A.F. (2007) *Rossiya v kul'turno-istoricheskom prostranstve (N. Danilevskiy i V. Solov'ev)* [Russia in the cultural and historical space (N. Danilevsky and V. Solovyov)]. Rostov-on-Don: IRU.
12. Sviridkina, E.V. (2018) *Spravedlivost' kak tsennost' v kul'turno-tsivilizatsionnom kode Rossii* [Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia]. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural heritage of Russia*. 2. pp.35–41.
13. Titov, V.V. (2020) *Simvolicheskoe prostranstvo rossiyskoy identichnosti: retrospektivnoe izmerenie* [The symbolic space of Russian identity: a retrospective dimension]. *ANI: ekonomika i upravlenie – ANI: economics and management*. 3 (32). pp.58–60.
14. Tuev, V. A. (2014) *Istoki rossiyskoy tsivilizatsii* [Origins of Russian civilization]. In: *Chelovek. Sotsium. Razvitie* [Human. Society. Development]. Collected papers. Irkutsk: Baikal State University. pp.147–152.
15. Uvarov, S.S. (1995) *O nekotorykh obshchikh nachalakh, mogushchikh sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya. 1833 g.* [About some general principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education. 1833]. In: *Reka vremen: kniga istorii i kul'tury* [River of Times: book of history and culture]. Moscow: Ellis Lak, tovarishchestvo “Reka vremen”. pp.70–72.
16. Kholodkovskiy, K.G. (2017) *Rossiyskaya identichnost': istoricheskiy put'* [Russian identity: historical path]. In: Semenenko, I.S. (ed.). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Moscow: Ves' mir.

17. Kondakov, I.V. & Sokolov, K.B. & Khrenov, N.A. (2011) *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu epokhu: kul'turologicheskiy, sotsiologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty* [Civilizational identity in a transitional era: cultural, sociological and art history aspects]. Moscow: Progress-Traditsiya.

18. Chupina, G.A. & Sherpaev, V.I. (2015) *Tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii: problema kul'turno-geneticheskogo koda* [Civilizational identity of Russia: the problem of cultural-genetic code]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu – Electronic supplement to the Russian Legal Journal*. 4. pp. 5–18.

19. Shapovalov, V.F. (2003) *Istoki i smysl rossiyskoy tsivilizatsii* [Origins and meaning of Russian civilization]. Moscow: FAIR-PRESS.

20. Shnirelman, V.A. (2006) “Nesovmestimost' kul'tur”: ot nauchnykh kontseptsiy i shkol'nogo obrazovaniya do real'noy politiki [“Cultural incompatibility”: from scientific concepts and school education to real politics]. In: *Russkiy natsionalizm: ideologiya i nastroyeniye* [Russian nationalism: ideology and mood]. Moscow: Sova. pp. 190–193.

21. Yakovenko, I.G. (2017) *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyy analiz* [Understanding Russia: civilizational analysis]. Moscow: Znanie.

